

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С марта по июнь 1959 г. при Объединении по машинному переводу 1-го МГПИИЯ функционировал вновь созданный лингвистический семинар. Проблематика докладов, заслушанных и обсужденных на еженедельных заседаниях семинара, определялась основными задачами практического применения проблем общего языковедения.

Большинство сообщений было посвящено разработке новых методов описания языковых явлений — доклады И. И. Ревзина об одном из способов определения фонемы, Ю. С. Мартемьянова о парадигматических единицах в языке, О. С. Кулагиной о проблеме топологии предложения. В ряде сообщений рассказывалось о последних достижениях современного языкознания и смежных с ним дисциплин. Эти темы освещались в докладах Вяч. В. Иванова о трансформационном анализе, В. М. Золотарева о языках с конечным числом состояний (модель Хомского и Миллера), Б. А. Успенского о попытках построения трансформационной грамматики для английского языка, Л. И. Богораза о теории кодов с исправлением ошибок и ее применения к языку и т. д.

При Объединении велась работа по отдельным языковым группам, в состав которых входили специалисты в области прикладного языкознания, работающие в различных институтах АН СССР. В частности, на объединенных заседаниях специалистов по русскому языку были заслушаны сообщения: Е. В. Падучевой о различных типах порождения сложных предложений из простых, К. И. Бабичко об анализе однородных членов в машинном переводе с русского языка, З. М. Волчок об особенностях словообразования в русском языке.

На дополнительных заседаниях семинара проходили регулярные встречи по обмену опытом в области построения алгоритмов машинного перевода. Значительное место уделялось вопросам записи информации при создании алгоритмов МП (с серией сообщений по данному вопросу выступил И. А. Мельчук).

Параллельно с работой семинара продолжало функционировать Объединение по машинному переводу. На заседаниях Объединения ставились доклады, рассказывающие о конкретных результатах по достроению алгоритмов машинного перевода. Был заслушан доклад Т. Н. Молоши-

ной, сообщившей о статистическом подсчете разного рода грамматических конфигураций при машинном переводе с английского языка, и сообщение Т. М. Николова, которая доложила о принципах построения алгоритма независимого грамматического анализа при машинном переводе с русского языка.

Специальное заседание Объединения было посвящено обсуждению книги И. Бар-Хиллела, обобщающей последние достижения по машинному переводу в США и Англии.

Т. М. Николаева
(Москва)

10 апреля 1959 г. при Академии наук СССР был создан Научный совет, координирующий работы в области кибернетики (председатель совета — акад. А. И. Берг, заместители председателя — проф. А. А. Ляпунов и член-корр. АН УССР А. А. Харкевич). В состав Научного совета вошли шесть лингвистов: Н. Д. Андреев, В. Я. Розенцвейг, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, Вяч. В. Иванов и С. К. Шаумян.

При совете образована лингвистическая секция (председатель Вяч. В. Иванов), объединившая двадцать восемь научных работников — лингвистов, математиков, психологов и инженеров; первое заседание ее состоялось 3 июля 1959 г. На лингвистическую секцию возложены задачи координации работ, организация специальных семинаров при секции и другие мероприятия.

К проблематике секции относятся следующий круг основных вопросов: вопросы машинного перевода, логико-лингвистические вопросы построения информационных машин и информационных языков, документалистика, проблемы логической семантики, общая теория знаковых систем и кодов, вопросы дешифровки, теория графика (графемология) в связи с разработкой читающих устройств и автоматизацией типографской работы, вопросы структурной лингвистики (общая теория структурной лингвистики, фонологическая теория, исследование морфологических моделей, выявление синтаксических структур и трансформационный анализ, внедрение структурных методов в семасиологию, типологическое сопоставление языковых систем), теория перевода как специальная лингвистическая дисциплина, основанная на методах математического и структур-

ного описания языка, теория языковой коммуникации и др.

Секция участвует и в разработке проблем относящихся к сфере деятельности Комитета по прикладной лингвистике (при Секции речи Комиссии по акустике АН СССР): построение устройств для автоматического ввода устной речи, проблемы акустической фонетики и физиологической акустики, вопросы экономного кодирования речевой информации при ее передаче по каналам связи и т. д.

Т. М. Николаева
(Москва)

С 8 по 11 июня 1959 г. в Ленинграде прошло межвузовское научное совещание по вопросам синтаксиса немецкого языка, созванное по инициативе кафедры германской филологии ЛГПИ им. А. И. Герцена. В работе совещания приняли участие представители педагогических институтов и университетов Москвы, Ленинграда, Горького, Ростова-на-Дону, Ярославля, Петрозаводска, Иванова и ряда других городов Советского Союза. Всего в работе совещания участвовало свыше ста человек. Состоялось 6 заседаний, на которых было прочитано 10 докладов и сообщений.

Совещание открылось вступительным словом проф. В. Г. Адмони (Ленинград), отметившего большую теоретическую и практическую важность изучения вопросов синтаксиса немецкого языка, фронтальная разработка которых ведется в целом ряде советских научных учреждений, университетов и педагогических институтов.

На первом заседании состоялся доклад В. Г. Адмони на тему «Структура немецкого предложения и основные тенденции в развитии структуры предложения в индоевропейских языках». Докладчик охарактеризовал особенности грамматической системы немецкого языка, отражающие общую тенденцию в строе немецкого предложения к максимально четкому формальному выражению его цельности и его членения.

Отмеченное своеобразие структурных черт немецкого предложения представляет собой, по существу, лишь модификацию общих тенденций в развитии структуры других индоевропейских языков. Пolemизируя с некоторыми представителями сравнительного языкознания (А. А. Потебня, К. Вругман, А. Мейо, Г. С. Кнабе), В. Г. Адмони выдвигает положение о том, что древнее индоевропейское предложение обладало определенной цельностью, было грамматически организованным. Это — предложение свободно-целостное, характеризующееся спокойным, формально не подчеркнутым, но реально существующим единством. В дальнейшем развитии по линии более четкого формального выявления цельности предложения, по мнению В. Г. Адмони, можно наметить два пути: а) сохранение значительной автономности слова — «автономно-собранный» структу-

ра в русском языках; б) значительное закрепление слова внутри предложения — «напряженно собранная» структура предложения, представленная в целом ряде германских и романских языков.

Доц. Н. А. Булах (Ярославль) в докладе «Развитие мононегативности в системе отрицания в ранненововерхне-немецком периоде» на основе анализа памятников конца XIII и начала XIV в. показала, что уже в то время в системе отрицания мононегативные построения явно преобладали над полинегативными. Тенденция к мононегативности осуществляется постепенно в ходе исторического развития структуры немецкого предложения, отдельные же типы полинегативных конструкций прослеживаются вплоть до XVIII в., а в редких случаях наблюдаются в современном немецком языке.

Доклад канд. филол. наук Л. Г. Коралева (Ленинград) был посвящен вопросу о неполных и односоставных предложениях в немецком языке. Докладчик, указав на типологическую самостоятельность двусоставных и односоставных предложений, считает неправомерным выделение в самостоятельный структурный тип неполных предложений, которые представляют собою своеобразные структурные подвиды двусоставных или односоставных предложений Л. Г. Коралева дает перечень наиболее четко грамматически определенных в немецком языке типов предложений, являющихся предметом исследования.

Проблемы сложного предложения рассматривались в докладе доц. Е. В. Гулыги (Москва) «О соотношении синтаксической классификации придаточных предложений и структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложений». Е. В. Гулыга предложила структурно-семантическую классификацию придаточных предложений, основанную на различной степени самостоятельности компонентов сложноподчиненного предложения и на количестве модальных планов. Докладчик различает «мономодальные» и «бимодальные» сложноподчиненные предложения. Основываясь на степени смысловой самостоятельности компонентов сложноподчиненного предложения, Е. В. Гулыга делит предложения, входящие в состав гипотаксиса, на «автосемантические», «потенциально-автосемантические», «синсемантические» и «десемантизованные». Автосемантическим докладчик называет тот компонент гипотаксиса, который выступает в качестве носителя «семантического ядра» и является завершенным в смысловом отношении. Потенциально-автосемантическое предложение — грамматически зависимая, но в смысловом отношении самостоятельная часть гипотаксиса. Синсемантическим называется такое предложение, которое приобретает смысл только в сочетании с другим компонентом сложноподчиненного предложения. Десемантизованное предложение состоит преимущественно или исключительно из формальных элементов.

Доклад доц. Н. М. Александрова (Ленинград) был посвящен проблеме членов предложения. Решение этой проблемы докладчик видит в более тщательном учете смысловых отношений между данным членом предложения и словом, к которому он относится. Н. М. Александров отметил также необходимость различать генетические и специальные синтаксические связи членов предложения.

Доклад канд. филол. наук В. М. Павлова (Ленинград) был посвящен роли словосложения как средства выражения атрибутивных отношений в группе существительного. В. М. Павлов различает особый вид атрибутивной связи, в основе которой лежит указание на отношение определяемого к другому предметному понятию, представленному предельно обобщенно, вне связи с тем или другим конкретным предметом. Таким образом находит опосредованное выражение качественная характеристика определяемого. Одновременно предметной отнесенностью в речи может обладать сочетание атрибута и определяемого только как единое целое. Такое соединение выражает обобщение постоянных признаков вида, относящегося к определяемому как к своему роду. Выражение признака в другом слове способствует соединению такого порядка с обычными синтаксическими словосочетаниями; тот факт, что это видовой признак, и опосредованный характер его выражения сближают данные соединения с лексикой. В русском языке основным средством выражения указанной атрибутивной связи является относительное прилагательное, в немецком — сложное существительное с субстантивным первым компонентом. В докладе отмечается влияние функциональной близости определительного компонента немецких сложных существительных к самостоятельным словоформам как на развитие его форм и значения, так и на фиксирование ряда типов структуры многочисленной группы существительного (с несколькими параллельно или последовательно подчиненными атрибутами) в современном немецком языке.

На совещании были заслушаны также следующие сообщения: старш. преп. Л. Г. Фридрих (Ростов-на-Дону) «Особенности употребления частицы *nicht* в разных типах предложения»; канд. филол. наук Н. П. Фомин (Псков) «Приадресивный член предложения в немецком языке»; канд. филол. наук М. В. Расвский (Петрозаводск) «Особенности оборота „абсолютный винительный в современном немецком языке“»; канд. филол. наук Б. М. Галин (Иваново) «Некоторые особенности и закономерности немецких глагольных сочетаний, влияющих на формирование значений эквивалентных видовым».

Доклады и сообщения вызвали большой интерес и оживленный обмен мнениями. Особый интерес вызвали вопросы развития структуры немецкого предложения, а также классификация сложноподчиненных предложений. Обсуждению соответствующих докладов были посвящены вы-

ступления Е. И. Шендельс (Москва), Е. Н. Риттер (Горький), Л. Л. Иофик (Ленинград).

В прениях выступили также И. А. Цыганова (Ленинград), Л. В. Шикова (Ленинград) и ряд других участников совещания.

На заключительном заседании с целью планомерного координирования работы над проблемами синтаксиса немецкого языка было избрано бюро, в состав которого вошли: В. Г. Адмони, Н. М. Александров, Л. Г. Кораблева, Е. В. Гулыга, О. Х. Цахер (Иркутск) и Л. Г. Фридрих. Задачами бюро являются организация взаимной информации, издательская деятельность, организация межвузовских совещаний. Материалы данного совещания будут изданы отдельным сборником.

Л. М. Каннер, Л. В. Шишкова
(Ленинград)

22 июня 1959 г. на заседании кафедры русского языка МГУ состоялся доклад научного сотрудника Чехословацкой Академии наук проф. Л. Долежел (Прага) «Проблемы анализа стиля художественной прозы». В своем докладе Л. Долежел предложил метод анализа стиля художественного произведения. В основе изучения стиля, по мнению докладчика, лежит понятие *высказывания*. Комплекс высказываний создает художественное произведение (*текст*). Исследование строения текста предполагает изучение способов и приемов сочетания высказываний в высшее единство, художественное произведение. Эпический текст отличается от драматического наличием двух планов — плана автора и плана персонажей (план А и план П). Установив некоторые общие черты, характеризующие структуру эпического текста в чешской прозе XIX в., Л. Долежел в плане типологического исследования произвел сопоставление классической чешской прозы XIX в. и современной «модерной» (в смысле франц. *moderne*) прозы, сложившейся в 20-х годах XX в. Если для классического эпического текста характерна четкая дифференциация плана А и плана П, резкие переходы от одного плана к другому (речь автора — прямая речь), то в «модерном» тексте четкие границы между планами А и П разрушаются; широко применяется несобственно-прямая речь (комбинация признаков плана А и П) и смешанная речь (вкрапление в план А как сигналов признаков плана П), а в результате отмены графического дифференциального признака плана П возникает необозначенная прямая речь. В «модерном» тексте используются разные типы *рубей* (соединения, перехода) планов, реплик, отрезков.

В конце доклада автор кратко охарактеризовал функции названных приемов построения текста (разрушение объективности повествования, смена «аспектов» повествования, «полифонный» характер текста, чередование объективных и субъективизированных отрезков, передача внут-

ревней речи, внутренних монологов). Актуальная задача стилистического анализа — выявление связей между отдельными семантическими планами произведения и планами текстовыми.

Доклад Л. Долежелы был выслушан с большим интересом и вызвал оживленные прения, в которых приняли участие акад. В. В. Виноградов, профессора МГУ: А. И. Ефимов, Е. М. Галкина-Федорук, А. Б. Шапиро и Н. С. Поспелов, ст. науч. сотр. Ин-та русского языка В. Д. Левин, канд. филол. наук А. В. Степанов. Все выступавшие признали плодотворным анализ структуры эпического текста, предложенный в докладе. В. Д. Левин сделал одно существенное добавление к установленным Долежелом различительным признакам плана А и П. Л. Долежел считает план А нейтральным, немаркированным в стилистическом отношении, а план П стилистически окрашенным. Это разграничение верно только в рамках художественного произведения. План А (норма речи произведения) может быть стилистически маркированным по отношению к литературному языку в целом (ср. произведения, написанные в форме сказа, некоторые виды исторического романа и др.). В. В. Виноградов, подводя итоги обсуждения, сказал, что доклад Л. Долежелы — продолжение традиций изучения литературного произведения как динамической конструкции, которое проводилось учеными старшего поколения ленинградской школы (ср. работы Л. П. Якубинского, Ю. Тынянова, В. В. Виноградова и др.). Подобное изучение полезно, так как оно помогает ограничивать стилистическое изучение отдельного произведения от анализа стиля языка, стиля писателя. В докладе Л. Долежелы недостаточно раскрыты некоторые важные понятия — высказывания, тиша высказывания, рубежа высказывания, реплики, отрезка. Целое художественное произведение, например лирическое стихотворение, может представлять собой одно высказывание — следовательно, оно является не динамическим сцеплением высказываний, а динамическим разрыванием одного высказывания. Для произведений другого характера должны быть найдены более крупные единицы членения текста, чем отдельные высказывания (сюда относятся, например, объединения реплик в диалоге, главы произведения, так как это единства не только тематические, но и стилистические).

В художественном произведении необходимо различать словесно-образный план и композиционно-тематический. Раскрытие композиционно-тематической структуры произведения и ее соотношения со структурой текста — центральная задача стилистического анализа.

Доклад Л. Долежелы ценен и интересен стремлением привести в систему принципы анализа художественной прозы как целостной динамической структуры.

Е. А. Земская (Москва)

С 23 по 27 июня 1959 г. в Нальчике состоялась научная сессия Кабардино-балкарского научно-исследовательского института, посвященная проблеме этногенеза карачаево-балкарцев и их языка. На сессии было заслушано свыше десяти докладов и сообщений, связанных с различными вопросами этногенеза карачаево-балкарского народа и языка. Среди докладов наибольшее внимание привлекли доклады канд. ист. наук Т. Х. Кумыкова (Нальчик), С. К. Бабаева (Нальчик), Л. И. Лаврова (Ленинград), Х. О. Лайпанова (Черкесск), Е. П. Алексеевой (Черкесск) и З. В. Аичабадзе (Тбилиси), профессором В. И. Абаева (Москва), Х. А. Поркшеяна (Ереван) и Б. А. Алборова (Орджоникидзе), докторов исторических наук Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе (Тбилиси), архитектора Э. Б. Бернштейна (Москва) и некоторые другие.

Доклады вызвали оживленные прения, в результате которых были приняты решения, намечившие как основные направления, по которым должен решаться вопрос об этногенезе карачаево-балкарцев и их языка, так и дальнейшие задачи историков, этнографов, археологов, антропологов и лингвистов в разработке проблематики, связанной с этногенезом карачаево-балкарцев. С заключительным словом выступил директор Кабардино-балкарского института истории языка и литературы канд. истор. наук Х. Г. Берикетов.

И. А. Наскаков (Москва)

Состоявшийся в Ленинграде 25—27 июня IV пленум Словарной комиссии Отделения литературы и языка АН СССР в значительной части был посвящен обсуждению принципов составления словарей к отдельным произведениям русской художественной литературы. Выход в свет первых томов «Словаря языка Пушкина» положил начало ряду ведущихся сейчас в Москве, Ленинграде и других городах Советского Союза работ по составлению словарей писателей или отдельных их произведений. Вот почему большой интерес присутствовавших на пленуме Словарной комиссии вызвал доклад Ю. С. Сорокина об инструкции для составления и построения словаря к «Мертвым душам» Гоголя¹.

Докладчик сообщил, что уже предварительная работа над словарем показывает, что в «Мертвых душах» широко и использовано лексическое богатство русского языка. Только в первом томе произведения находится свыше 9700 отдельных слов; большинство знаменательных слов употребляется здесь не чаще 1—4 раз. Составляемый сло-

¹ Этот словарь в настоящее время составляют под руководством Ю. С. Сорокина научные сотрудники словарного сектора Института русского языка АН СССР В. В. Замкова, Т. Н. Попова и учительница одной из ленинградских школ С. С. Карапетянц.

варь по своим конструктивным принципам примыкает к «Словарю языка Пушкина», но во многом от него и отличается. Последнее объясняется тем, что это словарь только одного произведения, не претендующий показать все языковые средства во всем объеме литературного наследия писателя. Если словарь языка Пушкина — основоположника нового русского литературного языка — представляет общерусскую национально-языковую норму 20—30-х гг. XIX в., то словарь языка Гоголя, когда он будет создан, такой цели служить не может, ибо язык этого писателя, по словам Ю. С. Сорокина, во многом никак нельзя признать нормой литературного языка его времени. Но задача «Словаря языка Пушкина»: описать факты общенационального литературного языка, его словарного состава, нашедшие отражение и применение в произведениях Пушкина, — отодвигала, естественно, на задний план другую задачу: показать в нем своеобразие, все качественные особенности пушкинского стиля в области словоупотребления. В словаре же к «Мертвым душам» проблема показа индивидуального своеобразия языка и стиля писателя выдвигается на первый план.

Разумеется, что один словарь к «Мертвым душам» не решит полностью этой проблемы: здесь нужна серия словарей к отдельным произведениям Гоголя, различиях по стилистико-жанровым особенностям, и другие пособия, но только таким путем можно достигнуть необходимого результата. Обсуждаемый словарь в принципе должен быть полным как по словнику, так и по характеристике словоупотребления Гоголя. Однако, подобно «Словарю языка Пушкина», он будет включать и элементы дифференциального словаря, а именно — в способах толкования слов: слова, совпадающие по значению с современными их употреблением, как правило, не будут иметь при себе толкований. Словарь должен состоять из двух частей: собственно словаря и словоуказателя. В этом его отличие от «Словаря языка Пушкина», а также и в том, что в словник введены собственные имена и т. д. В словарь не включается лексика черновых материалов и вариантов «Мертвых душ», но для сопоставления будут привлечены «Записные книжки» Гоголя и другие материалы писателя.¹

Все выступавшие по докладу Ю. С. Сорокина единогласно отмечали большую научную ценность задуманного словаря. С. И. Ожегов подчеркнул огромную роль «Мертвых душ» в развитии русского литературного языка в послепушкинский период, что лишь увеличивает важность создания словаря именно к этому гениальному произведению. К. П. Авдеев указал, что такой словарь полезен не только специалистам-филологам, но и учителям средней школы. Он поможет углубленнее и вернее изучать художественную ткань «Мертвых душ». А. М. Бабкин, приветствуя новую отрасль советской лексикографии — составление словарей к отдельным произ-

ведениям писателей, — счит нужным предупредить об опасности перенесения приемов обработки лексического материала, применяемых в общих толковых словарях национального языка, в словари, призванные выявлять индивидуальные особенности словоупотребления писателя. На примере словаря к комедии «Горе от ума» Грибоедова, изданного в 1939 г. В. Ф. Чистяковым, он показал, к каким неудачным результатам привело некритическое применение толкований слов, принятых в общих толковых словарях, в словаре, где собраны своеобразные, индивидуальные, обусловленные стилистико-художественными заданиями употребления слов. «Словарь языка Пушкина» также не всегда разграничивает частное от общего в языке писателя, а это ведет к неточному объяснению слов.

Соглашаясь с общими принципами составления и построения словаря к «Мертвым душам», изложенными в докладе Ю. С. Сорокина, Л. С. Ковтун и И. И. Ковтунова заметили, что возможны и другие принципы составления словарей к отдельным произведениям художественной литературы. И. И. Ковтунова даже попыталась наметить основные типы словарей к отдельным произведениям. Могут быть словари, отражающие лексику эпохи так, как она представлена в языке данного писателя или его отдельного произведения; могут быть словари, отражающие индивидуальные особенности употребления лексики данной эпохи в контексте художественного произведения, охватывающей систему словесно-художественных образов данного произведения; наконец, могут быть словари комбинированного типа. Однако во всех случаях необходимо производить разграничение явлений общеязыковых и индивидуальных, как справедливо настаивает на этом А. М. Бабкин. Явления же стилистического порядка надо показывать на фоне лексической системы языка данной эпохи. Так как словарь к «Мертвым душам» относится к типу второй группы словарей, И. И. Ковтунова советует пополнить инструкцию указаниями, как показывать различные случаи стилистического осложнения семантики слова в контексте.

Некоторые разногласия выявились при обсуждении объема словника словаря. С. И. Ожегов выразил сомнение в необходимости давать все без исключения слова (как, например, имена всех персонажей произведения). Другие же выступавшие (А. В. Миртов, А. С. Чикобава, Ф. П. Филин, К. П. Авдеев, Л. С. Ковтун) высказались за исчерпывающую полноту словника. При этом Ф. П. Филин советовал собственные имена выделить в отдельную часть словаря. А. С. Чикобава указал, что причастия надо давать отдельными словарными статьями. Л. С. Ковтун рекомендовал дифференцированно показывать в словаре фразеологию общенациональную и чисто гоголевскую. В связи с объемом словника подверглась обсуждению проблема использования в словаре черновых материалов и вариантов «Мертвых душ». Г. П. Блок считает, что если словарь

«охватывает текст второго тома «Мертвых душ», который надлежит считать незавершенным, «черновым», то, следовательно, было бы логичным также использовать все варианты основного текста произведения. Против такого соображения высказался К. П. Авдеев, ссылаясь, что словарь должен соответствовать пределам произведения в том виде, в каком оно «живет», известно любому читателю.

В § 15 инструкция говорится: «В данном словаре, по соображениям как теоретическим, так и практическим удобства, шире, чем это принято в современных толковых словарях, проводится принцип выделения омонимов». С. И. Ожегов, А. С. Чикобава и Л. С. Ковтун скептически отнеслись к возможности правильного выделения омонимов в словаре исторического плана.

Большое внимание при обсуждении доклада привлекла проблема введения в словарь стилистических помет. Как известно, составители «Словаря языка Пушкина» отказались от них, мотивируя свой отказ слабой разработанностью исторической стилистики русского языка. Ю. С. Сорокина считает, что стилистические пометы для словаря к отдельному произведению необходимы, хотя бы в ограниченном количестве («славянизм», «просторечное», «областное», «новообразование»). При их расстановке следует опираться на показания соответствующих эпохе словарей; в данном случае — словарей литературного русского языка XVIII — первой половины XIX вв. С. И. Ожегов, Г. П. Блок и Ф. П. Филин, принимая указанную мотивировку составителей «Словаря языка Пушкина», советовали и здесь воздержаться от стилистических помет. Большинство же выступавших (А. М. Бабкин, А. В. Миртов, А. С. Чикобава, Л. С. Ковтун, В. П. Петушков, К. П. Авдеев) поддержали Ю. С. Сорокина и даже рекомендовали расширить число стилистических помет. Совершенно резонно заметил К. П. Авдеев, что нельзя же, продолжая ссылаться на неразработанность исторической стилистики, не предпринимать в дальнейшем никаких шагов к ее скорейшему созданию. Именно в словарях такого типа, как словарь к «Мертвым душам», и должна разрабатываться основа исторической стилистики. Словарь к «Мертвым душам», благодаря тому, что он создается в Ленинграде, где существует многомиллионная картотека выборок из произведений русских писателей XVIII—XX вв., может быть снабжен безукоризненными стилистическими пометами.

В ходе обсуждения доклада Ю. С. Сорокина были затронуты многие вопросы, связанные с характером построения словаря к отдельному произведению. Даже такой частный вопрос, как применение способа порядковой нумерации значений в словарной статье, вызвал оживленный обмен мнениями. Исходя из того, что, во-первых, словарь к «Мертвым душам» будет отмечать не все значения слова, в которых оно было известно в русском языке времени Гоголя, а только те из них, какие встречаются в

языке поэмы, и что, во-вторых, в словаре будут находиться вариации значений слов, связанных с индивидуальной речевой манерой писателя и условиями контекста, — коллектив составителей словаря решил, используя различные типографские значки, обойтись без порядковой нумерации значений в словарных статьях. С. И. Ожегов поддержал в этом составителей словаря, усмотрев в отказе от нумерации значений определенную теорию. С ним согласился и А. М. Бабкин, отметив, что применение способа нумерации значений лишь свяжет составителей, заставляя их искать субординации значений слов, тогда как это не является задачей намеченного словаря. Однако другие выступавшие (Г. П. Блок, Ф. П. Филин, А. С. Чикобава, И. И. Ковтунова) указывали, что не следует игнорировать общепринятую лексикографическую технику и что способ нумерации значений слов необходим для практического удобства пользования словарем.

В заключительном слове Ю. С. Сорокин отметил, что обсуждение инструкции на пленуме Словарной комиссии будет очень полезно для коллектива, работающего над словарем к «Мертвым душам». Несмотря на то, что многие сделанные здесь пожелания и рекомендации являются взаимоисключающими, все они нуждаются в глубоком, внимательном изучении до того, как коллектив составителей приступит к основному этапу своей работы.

Не менее живой интерес собравшихся на пленуме Словарной комиссии вызвал доклад Д. С. Лихачева о словаре к «Слову о полку Игореве»¹. Потребность в данном словаре, сказал докладчик, особенно сильна среди литературоведов, ибо изучение «Слова» в настоящее время зашло в тупик из-за отсутствия исходных фундаментальных работ, опираясь на которые можно было бы производить дальнейшие исследования. Среди таких фундаментальных работ главенствующее значение принадлежит словарю к «Слову о полку Игореве». Словарь этот, подчеркивает Д. С. Лихачев, предназначается для исследователей-литературоведов и для тех переводчиков, которые одновременно с переводом «Слова» ведут исследовательскую работу по истолкованию его текста. Словарь «Слова» делается с широким привлечением для сопоставления соответствующих цитат из памятников русской письменности XI—XVI вв., фольклора, показаний областных словарей и т. д.; будет даже привлечен изобразительный материал. Словарь будет служить справочным пособием при рассмотрении отдельных вопросов, отнюдь не давая их окончательных решений. Вот почему, по мнению докладчика, предпочтительнее это издание будет назвать «Материалами для словаря к „Слову о полку

¹ Этот словарь составляет сотрудница Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР В. Л. Виноградова; ее работой руководят Б. Л. Богородский, В. А. Ларин, Д. С. Лихачев.

Игорева» по типу известных «Материалов» И. И. Срезневского. Д. С. Лихачев сообщил пленуму Словарной комиссии, что уже готов первоначальный вариант первого выпуска словаря «Слова», охватывающий слова на буквы «А—Г», общим объемом в 20 авт. листов. Весь словарь предполагается составить в течение 4—5 лет. Его объем будет равен приблизительно 120 авт. листам.

Важность настоящего научного предприятия бесспорна. Об этом говорили все выступавшие по докладу Д. С. Лихачева на пленуме Словарной комиссии. К. А. Тимофеев заявил, что значение словаря к «Слову о полку Игорева», по его мнению, не уступает огромному значению «Словаря языка Пушкина». Но большинство членов Словарной комиссии выразили свое несогласие с тем, что данный словарь предназначается исключительно для литературоведов и переводчиков «Слова». В этом слове нуждаются и другие специалисты, в том числе и историки русского языка, а между тем лингвистическая часть в нем совсем не разрабрана. А. П. Евгеньева выразила сомнение по поводу того, что все переводчики «Слова» отлично знают историческую грамматику русского языка. Но дело не только в них. Пренебрежение лингвистикой пагубно сказывается на самом слове. А. П. Евгеньева убедительно это показала на примере пробных словарных статей («братие», «встрило»), розданных для ознакомления членам Словарной комиссии. С доводами А. П. Евгеньевой согласился С. И. Ожегов, считающий, что предлагаемый тип словаря к «Слову» нельзя назвать подлинно филологическим, каким он должен быть. О необходимости ввести в словарь лингвистическую часть говорили К. А. Тимофеев, Ф. П. Филин, впрочем оговариваясь, что им не хотелось бы видеть словарь к «Слову» как некий вариант общего исторического словаря русского языка.

Различные точки зрения были высказаны по поводу элементов энциклопедизма в слове. А. П. Евгеньева полагает, что они придают словарю характер свода энциклопедических комментариев к лексике «Слова о полку Игорева», мешают филологической трактовке материала. Б. В. Горнунг, напротив, думает, что энциклопедические элементы не мешают филологическому словарю такого типа, а лишь расширят его рамки.

Многие из выступавших (А. П. Евгеньева, Г. Ф. Нефедов и др.) не советовали увлекаться привлечением материалов для иллюстрации значений слов из памятников, принадлежащих ко времени более позднему чем период создания «Слова о полку Игорева». Это будет лишь дезориентировать читателя. Необходимо также определить границы привлекаемого диалектологического и фольклорного материала. Ф. П. Филин рекомендовал произвести продуманный отбор памятников, из которых будет браться иллюстративный материал, с учетом жанровой соотносимости их со «Словом».

Все выступавшие по докладу Д. С. Лихачева признали весьма интересным сопоставительные параллели лексики «Слова» с лексикой памятников других славянских стран. Б. В. Горнунг считает полезным включить в данный словарь свод конъектур и толкований «темных мест» памятника, предложенных когда-либо исследователями. Ф. П. Филин посоветовал производить дифференцированную разработку слов, обращая внимание главным образом на те слова, которые совершенно выпали из состава русского языка. С. И. Ожегов убежден, что составитель словаря к «Слову» не правомочен производить выделение устойчивых словосочетаний, не имея для этого никаких авторитетных историко-лингвистических оснований.

Странное впечатление на присутствовавших на пленуме Словарной комиссии произвело выступление Б. Л. Богородского. Упренив всех советских лексикографов в приверженности к старым академическим словарям, он отстаивал право на экспериментальность в области составления словарей. Утверждая, что создаваемый словарь к «Слову о полку Игорева» является филологическим в подлинном смысле слова, Б. Л. Богородский затем заявил, что интересы литературоведов и лингвистов не всегда совпадают (например, указание в слове на форму аориста литературоведу ничего не скажет), а посему в данном слове не нужен «педагогический» грамматический отдел.

Обсуждение выявило, как выразился А. М. Бабкин, «аморфность предприятия»: многоплановость работы не сведена пока к четким, определенным принципам конструкции словаря. Научная задача составления словаря к «Слову», сказал С. И. Ожегов, еще неясна, расплывчата. А. П. Евгеньева предложила опубликовать в печати представленную на обсуждение в Словарную комиссию инструкцию по составлению словаря к «Слову», с тем чтобы имелась возможность ее критически проанализировать всем, кто того желает. Б. В. Горнунг считает нужным подчеркнуть тщательному и всестороннему рецензированию ту часть словаря, которая уже готова в первоначальном варианте, для того чтобы критические суждения специалистов могли помочь окончательно определению принципов составления этого очень важного научного издания.

С высказанными соображениями по существу согласились Б. А. Ларин и Д. С. Лихачев. Действительно, составление словаря к «Слову о полку Игорева» связано с чрезвычайными трудностями (отсутствие рукописного текста, «темные места», исключительность жанра памятника и т. д.); структура словаря очень своеобразна из-за особого положения «Слова» среди других литературных произведений древней Руси. До осуществления этого чрезвычайно нужного научного издания необходимо со всей тщательностью продумать во всех частностях его план, способы организации и подачи лексических материалов.

Пленум Словарной комиссии обсудил еще доклад А. В. Миртова «О работе над словарем языка эпохи Великой Отечественной войны». Докладчик за многие годы, начиная с первых дней военных действий, собрал богатейший фактический материал. Его внимание особенно привлекали так называемые «оказиональные» слова и словосочетания — «словоподобные сочетания», по терминологии И. А. Бодуэна де Куртене. Сейчас картотека А. В. Миртова состоит из 18 тысяч новых слов или новых употреблений слов. Выступавший в прениях Г. Ф. Нефедов сообщил, что он также собрал большой материал по языку периода Великой Отечественной войны (общим объемом примерно 18—20 авт. листов). Он упрекнул составителей академических толковых словарей в игнорировании новых слов и значений, возникших в военное время. Б. А. Ларин отметил, что в Советском Союзе многие лица занимались сбором языковых фактов, связанных с эпохой Великой Отечественной войны, однако словарей, построенных на этом материале, до сих пор нет. Особенно важны теоретические выводы, которые должны быть сделаны на основании изучения лексики народного языка этого времени. В. П. Петушков также отметил, что если о языке первых лет революции имеются некоторые труды (например

монография А. М. Селищева «Язык революционной эпохи»), то о языке времени первых пятилеток, эпохи Великой Отечественной войны у нас почти ничего существенного не опубликовано. Словарная комиссия Отделения литературы и языка АН СССР должна оказать помощь изданию подобного рода словарей. А. М. Бабкин, соглашаясь с этим предложением, указал на необходимость выработки принципов лексикографической обработки такого материала, ибо принципы составления общих толковых словарей здесь вряд ли окажутся пригодными. С. И. Ожегов считает, что должен быть создан план издания подобного рода лексических записок, которых уже немало накоплено. Он посоветовал собирателям лексики периода Великой Отечественной войны не ограничиваться военной терминологией, словоупотреблением военного быта.

Пленум Словарной комиссии заслушал также интересный, содержательный доклад А. С. Чикобава «Основные лексикографические особенности первого толкового словаря грузинского языка» («Букет слов» Саба-Сулхана Орбелиани, 1716 г.) и сообщение Д. И. Буторина о русской части «Русско-китайского фразеологического словаря», изданного в Харбине в 1958 г.

В. И. Петушков (Ленинград)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Информационный бюллетень ЮНЕСКО. 1959. №№ 52—56.

Сборник трудов по языкознанию № 3 (Военная академия Советской Армии.) - М., 1959. 219 стр.

Уч. зап. Тапкентского вечернего пед. ин-та им. В. Г. Белинского. Вып. I. Работы по языкознанию. — Тапкент, 1959. 83 стр.

Уч. зап. Украинская Академия сельскохозяйственных наук. Кафедра иностранных языков. Т. I. — Киев, 1959. 127 стр.

М. Я. Немировский. Очерки из истории изучения хеттского иероглифического языка. Иберийско-кавказское языкознание. Т. IX — X. — 1958. Стр. 351—375 [отд. отт.]

В. В. Решетов. Узбекский язык. Ч. I. Введение. Фонетика. — Ташкент, 1959. 359 стр.

Дослідження і матеріали з української мови. Т. I. — Київ, 1959. 136 стр.

Наукові записки. Українська Академія сільськогосподарських наук. Кафедра суспільних наук. — Київ, 1957. 319 стр.

Festschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität, Greifswald, zu Ostseewoche (vom. 27. Juni bis 5. Juli 1959). Jg. VIII, Hf. 3. Стр. 129—84.

Jazykovebný časopis. Ročn. IX. Číslo 1—2. — Bratislava, 1958. 192 стр.

Język polski. XXXIX, 2. — 1959. Стр. 81—160.

Mechanical translation. Devoted to the translation of languages with the aid of

machines. Vol. V, № 2. — Cambridge (Mass.), 1958. Стр. 49—91.

Oomoto. № 227—228. — Majo—Junio 1959. Стр. 65—96.

Slavia orientalis. Roczn. VIII, № 1. — Warszawa, 1959. 164 стр.

Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität, Leipzig. Festjahrgang zur 550. Jahrfeyer. Jg. 8 (1958—1959), Hf. 2. Стр. 255—425.

Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock (Als Manuskript gedruckt). Jg. 8, Hf. I (1958—1959), 130 стр.

D. Freydanck. Zur Entwicklung von germ. *au* im Altniederdeutschen. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg (Als Manuskript gedruckt). VIII, 4/5. — Juni 1959. Стр. 717—718. [отд. отт.]

H. Heintze. Stilkritik und Gesellschaftskritik bei Jules Vallès. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg (Als Manuskript gedruckt). VIII, 4/5. — Juni 1959. Стр. 737—748 [отд. отт.]

G. Kahlo. Djampi — djampi. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg (Als Manuskript gedruckt). VIII, 4/5. Juni 1959. Стр. 689—694 [отд. отт.]

J. Krámský (University of Prague). A quantitative typology of languages (Reprinted from «Language and speech». Vol. 2, pt. 2. April—June 1959. Стр. 72—85)

W. Spiewok. Die Sprache der